

В. А. Андреева

НАРРАТИВ В ПЕРСУАЗИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ)

В настоящей статье исследуется использование нарратива в персуазивной коммуникации на примере политического дискурса. Автор предлагает разграничивать нарратив как моно- и как транстекстовый феномен. Адресант нарратива как монотекстового феномена моносубъектен. Его содержанием является личная история, позволяющая реализовать стратегию оценивания для (само)презентации политика. Нарратив как транстекстовый феномен представляет собой нечеткое множество повествовательных текстов, рассеянных в культурном пространстве. Нарратив в таком понимании является полисубъектным феноменом и объединяет тексты разных авторов. Он функционирует подобно открытой энергетической и информационной системе, находящейся в постоянном диалоге с другими системами. Предметом нарратива как транстекстового феномена являются политические процессы, оказывающие существенное влияние на жизнь людей. Благодаря нарративу эти процессы приобретают статус события, что позволяет нарративы подобного рода называть событийными. Являясь интерпретацией процессов в политической жизни, событийные политические нарративы служат определенным политическим целям, обладая целым арсеналом средств воздействия на сознание и эмоции людей.

Ключевые слова: текст, дискурс, нарратив, событие, событийный нарратив, персуазивная коммуникация, политический дискурс, дискурсная формация.

NARRATIVE IN PERSUASIVE COMMUNICATION (A CASE STUDY OF POLITICAL DISCOURSE OF GERMANY)

The present article examines the use of the narrative in persuasive communication focusing on political discourse. The narrative is suggested to be approached as a mono- and transtextual phenomenon. The addresser of the narrative as a monotextual phenomenon is mono-subjective. The content of such a narrative is a personal story used to realise the strategy of evaluation for a politician's (self-)presentation. The narrative as a transtextual phenomenon represents a certain indistinct virtual multitude of narrative texts dispersed in the cultural space. In this respect, the narrative is a poly-subjective phenomenon, since it unites different authors' texts and functions as an open energy and information system which maintains a constant dialogue with other systems. The subject of the narrative as a transtextual phenomenon is political processes of great magnitude and influence. By means of the narrative, these processes acquire the status of events, which allows us to define the narratives of such kind as event ones. Being an interpretation of the political processes, event narratives serve certain political goals and become a powerful instrument of influence upon people's consciousness, perceptions and emotions.

Keywords: text, discourse, narrative, persuasive communication, political discourse, discourse formation.

Введение

Со времен «Грамматики Декамерона» Цв. Тодорова нарратология вышла за рамки исследования литературного нарратива, по-

лучив «весьма широкое распространение и богатое концептуальное наполнение» [5, с. 4]. Современная нарратология — это неориторическая дисциплина, рассматриваю-

щая нарратив в качестве одной из базовых коммуникативных стратегий порождения всевозможных повествовательных текстов любой функциональной и жанровой отнесенности [ср.: 7, 10, 11]. Однако именно литературный нарратив выступает в качестве образца или прототипа при исследовании нарративов, бытующих в иных сферах коммуникации, и на них экстраполируются его основные категории. Тем не менее, можно предположить, что на структуру и способы функционирования нарратива определенное влияние оказывает широкий риторический контекст, например, условия персуазивной коммуникации, что будет показано в статье на примере политического дискурса.

Нарратив в политическом дискурсе

Нарратив можно рассматривать как моно- и транстекстовый феномен. В первом случае речь идет о тексте одного автора (или авторского коллектива). Во втором — о некоем множестве текстов, принадлежащих разным авторам, которые, как правило, разобщены во времени и пространстве, но их тексты объединяет не только общий предмет, но и, что самое главное, общая (или схожая) позиция по отношению к этому предмету, которая в рамках этого множества текстов считается истинной и объективной.

I. Нарратив как монотекстовый феномен

Нарратив как история человека (личностный, биографический нарратив) широко используется в политическом дискурсе для (само)презентации политика. Нарратив предлагает разные способы (само)презентации политика:

(1) *Für mich ist Würselen der zentrale Fixpunkt in meinem Leben geblieben, als ich in Brüssel im Europäischen Parlament tätig war und auch jetzt, wo ich in Berlin eine neue Rolle eingenommen habe. Hier bin ich aufgewachsen, hier habe ich die Schule besucht. Hier habe ich angefangen, Fußball zu spielen, habe bei der Rhenania versucht, es bis zu den Profis zu schaffen. Hier habe ich meine eigene*

Buchhandlung eröffnet und zwölf Jahre lang geführt. Hier habe ich bei der Jugendorganisation der SPD, den Jungsozialisten oder «Jusos», die ersten Schritte in der Politik unternommen. Hier wurde ich 1987 zum Bürgermeister gewählt und übte dieses Amt fast elf Jahre lang aus. Ich habe meine Familie in Würselen gegründet und immer noch viele enge Freunde hier (Вюрзелен был и остается в моей жизни важным местом, и когда я работал в Европейском парламенте в Брюсселе, и теперь, когда я согласился на новую работу в Берлине. Здесь я вырос, здесь я учился в школе. Здесь я начал играть в футбол в клубе Ренания, собираясь стать профессионалом. Здесь я открыл свой книжный магазин, который просуществовал двенадцать лет. Здесь, в молодежной организации СДПГ, я сделал первые шаги в политике. Здесь в 1987 году я был избран губернатором и занимал этот пост в течение одиннадцати лет. В Вюрзелене я создал семью, здесь до сих пор живет много моих близких друзей) [12].

(2) *Frank-Walter Steinmeier wird am 5. Januar 1956 in Detmold/Kreis Lippe geboren. Er ist seit 1995 mit Elke Büdenbender verheiratet. Gemeinsam haben sie eine Tochter. Nach dem Besuch des Neusprachlichen Gymnasiums in Blomberg und einer zweijährigen Bundeswehrzeit studiert Frank-Walter Steinmeier ab 1976 Rechtswissenschaften, seit 1980 zusätzlich auch Politikwissenschaften, an der Justus-Liebig-Universität in Gießen. 1982 legt er seine erste Juristische Staatsprüfung ab. Anschließend leistet er seinen Juristischen Vorbereitungsdienst in Frankfurt am Main und Gießen, den er 1986 mit der Zweiten Juristischen Staatsprüfung beendet. Danach arbeitet er als Wissenschaftlicher Mitarbeiter am Lehrstuhl für öffentliches Recht und Wissenschaft von der Politik an der Universität Gießen* (Франк-Вальтер Штайнмайер родился пятого января 1956 года в Детмольде/округ Липпе. С 1995 года женат на Эльке Бюденбендер. Супруги вместе воспитывают дочь. После окончания языковой гимназии в Бломберге

и двухлетней службы в рядах бундесвера Франк-Вальтер Штайнмайер изучает с 1976 года юриспруденцию, а с 1980 года дополнительно политологию в университете имени Юстуса Либига в городе Гисен. В 1982 году он сдает свой первый государственный экзамен по юриспруденции, после чего проходит стажерскую практику во Франкфурте-на-Майне и Гисене, которую завершает в 1986 году, сдав второй государственный экзамен по юриспруденции. Затем работает в качестве научного сотрудника на кафедре публичного права и политологии в Гисенском университете) [13].

Фрагмент 1 является выдержкой из первой главы книги Мартина Шульца *Was mir wichtig ist. Was ich bin. Wofür ich stehe* (Что для меня важно. Что я есть. Что я отстаиваю), вышедшей в издательстве Rowohlt в 2017 году в период выборной кампании, в которой политик баллотировался на пост федерального канцлера от Социал-демократической партии Германии. Тождество имени на титульном листе и «Я» рассказчика и протагониста однозначно декодируется как «автобиографический пакт» [9, с. 27]. Автобиографические тексты образуют ядро эгоцентрического дискурса. В приведенном фрагменте концентрация эгоцентрических слов, к которым Б. Рассел относил «я», «это», «здесь», «сейчас» [3, с. 87], очень велика: она превышает 15 % от общего количества словоупотреблений. В заголовке местоимение первого лица употребляется четырежды (*ich, mir*). «Я» и «мои» ценности и есть тот «рекламный продукт», который предьявляет читателю (иначе: электорату) автор.

М. Шульц известен как сторонник европейского проекта (до 17.01.2017 он занимал пост председателя Европейского парламента), однако, именно в этом фрагменте, он подчеркивает свою связь с малой родиной — небольшим немецким городком Вюрзелен, который является неким центром в его жизни (*der zentrale Fixpunkt in meinem Leben*). Значимость родного города для становления

политика, который в настоящее время живет в Берлине, подчеркивается с помощью пятикратного анафорического повтора эгоцентрического слова *hier* (а не *dort!*) как средства его выдвижения, а также с помощью параллельного построения предложений. В этом отрывке М. Шульц предьявляет себя электорату и как европейский, и как немецкий политик, реализуя таким образом стратегию самопрезентации и положительной оценки. Автобиографический текст позволяет суггерировать отношения равноправия между адресантом и адресатами и как следствие атмосферу доверительности между ними.

Фрагмент 2 цитирует официальную биографию Франка-Вальтера Штайнмайера, размещенную на сайте федерального президента Германии <http://www.bundespraesident.de>. Биографическое повествование строится здесь по образцу *curriculum vitae* (правда, в третьем лице), что подчеркивает статус политика, являющегося государственным чиновником высшего ранга. Повествование фиксирует только ту информацию (место и дата рождения, семейное положение, образование, профессиональная карьера), которая обычно сообщается при найме на работу. Согласно Основному закону Германии президентом страны может стать «любой немец», достигший сорокалетнего возраста и имеющий право быть избранным в бундестаг. Президент выполняет представительские функции, олицетворяя собой страну. Его реальная роль зависит от его личного авторитета. Биографический нарратив, построенный по типу *curriculum vitae*, суггерировать отношение к политику как чиновнику, находящемуся на службе у государства, занимающему в нем важный пост, подчеркивает его компетентность и профессионализм, что должно формировать уважение к нему со стороны граждан страны, президентом которой он является.

Итак, в условиях персуазивной коммуникации личный (автобиографический, био-

графический) нарратив характеризуется разными способами реализации эгоцентризма, которые зависят от субъектной позиции политика в политическом дискурсе. Речь идет, во-первых, о позиции политика по отношению к власти (в приведенных фрагментах соответственно позиции «до власти» и «во власти») [6, с. 139], во-вторых, об идеологических позициях, которые артикулирует политик (в приведенных фрагментах это, например, позиция приверженности европейского политика своей малой родине). (Само)презентация политика направлена на формирование положительной оценки его как субъекта персуазивной коммуникации, на установление отношения равноправия и доверия между адресантом и адресатом.

II. Нарратив как транстекстовый феномен

Нарратив как транстекстовый феномен представляет собой некое нечеткое виртуальное множество повествовательных текстов, рассеянных в культурном пространстве. Эти тексты объединяются вокруг общего предмета нарратива, выражая при этом сходную оценочность в отношении этого предмета. Нарратив в таком понимании является полисубъектным феноменом, так как объединяет тексты разных авторов, и функционирует подобно открытой энергетической и информационной системе, находящейся в постоянном диалоге с другими нарративами. Благодаря этому диалогу нарративы совмещают детерминированное прошлое и открытое будущее, что порождает плюралистичный по смыслу, постоянно самоутрачивающийся мир культуры (в том числе мир политики).

Общим предметом нарратива как транстекстового феномена являются различные процессы в жизни людей и стран. Благодаря нарративу эти процессы приобретают статус события. Поэтому нарратив в таком понимании можно обозначить как событийный нарратив.

Событие и событийность — категории, конституирующие нарратив. Концепт «событие» отличается от таких близких ему концептов, как явление, состояние, инцидент, ситуация, процесс, действие, поступок, тем, что «на оси жизни <...> занимает особое, выделенное место» [1, с. 509]. Событие приписывается действительности, т. е. является онтологической категорией. Этим событие отличается и от факта, который, будучи суждением о действительности, относится к эпистемическому (пропозитивному) регистру [там же, с. 494]. Событие характеризуется отмеченностью и определяет ход дальнейшей жизни, полностью или частично меняя ее. Но самый главный, определяющий признак события, по мнению В. П. Руднева, заключается в его засвидетельствованности: «Событие должно быть обязательно зафиксировано, засвидетельствовано и описано его наблюдателем, который может совпадать или не совпадать с основным участником события» [4]. В. И. Тюпа определяет это свойство события как интеллигибельность (т. е. постигаемость умом), без которой, по его мнению, событие просто не может состояться [5, с. 26].

Вокруг изменений, которые затрагивают жизнь многих людей, влияют на ее течение, возникают нарративы, благодаря которым эти изменения приобретают статус события. Они полисубъектны, т. е. принадлежат разным авторам (известным и анонимным), а благодаря современным информационным технологиям становятся достоянием широкой аудитории.

Важно отметить, что основанием для объединения этих нарративов в единую дискурсную формацию, является не только общее событие, но и общее ценностное отношение к нему. Собственно, как было сказано выше, событие всегда связано с определенной позицией (точкой зрения, перспективой), а это значит, что свидетельство о нем всегда будет субъективным. Поэтому об одном и том же событии могут свидетель-

ствовать не один, а два и более неконвергентных нарративов, общими для которых будут только время и место локации события. Если настаивать на том, что события нет вне свидетельства о нем, то следует говорить по существу о разных событиях и разных нарративах.

Знаком политических нарративов являются названия, которые они получают. Эти названия не только номинируют событие, но и содержат его оценку. Так, события в Крыму 2014 г. в политическом и массмедийном пространствах стран Запада, Германии в том числе, отражает нарратив об «аннексии Крыма». Аннексия — термин международного права, который дает основание международному сообществу применить военную силу к стране-нарушителю без мандата Совета Безопасности ООН. Однако название нарратива не имеет отношения к международному праву. Профессор Гамбургского университета, специалист в области философии права Райнхард Меркель, в своей авторской колонке *Kühle Ironie der Geschichte (Холодная ирония истории)* в газете *Frankfurter Allgemeine* от 07.04.2014 дал юридическую оценку событиям в Крыму. По его мнению, референдум и последующий выход Крыма из состава Украины не противоречили международному праву, хотя и нарушили действующую конституцию Украины. Россия, принимая решение о последующем вхождении Крыма в ее состав, также не нарушила международного права. Россия нарушила международное право, когда ее военный контингент покинул места своей дислокации, однако это обстоятельство, по мнению эксперта, не аннулирует результатов волеизъявления крымчан. Вывод: вхождение Крыма в состав России не является ни прямой, ни «замаскированной» аннексией (*maskierte Annexion*) [14]. Ученый определяет события в Крыму как сепессию (выход автономии из состава государства), которая не является предметом международного права. Но политические нарративы,

как было сказано выше, не имеют отношения к праву. Политики используют их для воздействия на сознание и эмоции людей, с тем чтобы изменить их позицию в своих интересах.

Оценка, задаваемая названием (знаком) нарратива, распространяется на все его элементы. Так, участники событий (акторы) получают в неконвергентных нарративах антонимические обозначения:

(3) *In Kiew hatten wir es mit einem Interimspräsidenten zu tun; auf der Krim hingegen mit einem illegitimen Ministerpräsidenten; und in der Ostukraine mit selbsternannten Bürgermeistern. Wer definiert und entscheidet, ob es um Partisanen, Rebellen, Widerstands- oder Freiheitskämpfer handelt, um Aktivisten, Separatisten, Terroristen? Verharmlosung auf der einen — Dämonisierung auf der anderen Seite* (В Киеве мы имели дело с исполняющим обязанности президента, в Крыму же, напротив, с незаконным премьер-министром; а в Восточной Украине с самопровозглашенными бургомистрами. Кто определяет, что одних следует называть партизанами, повстанцами, участниками сопротивления или борцами за свободу, а других — активистами, сепаратистами, террористами? Оправдание одной стороны, демонизация — другой) [8, S. 35].

Политические нарративы разделяют мир на «своих» и «чужих», используя персуазивную стратегию оценки, положительной и отрицательной, которые известная немецкая журналистка Г. Кроне-Шмальц, определяет соответственно как «оправдание», с одной стороны, и «демонизацию», с другой (*Verharmlosung auf der einen — Dämonisierung auf der anderen Seite*). Маркерами этой стратегии являются соответствующие лексические единицы с семантикой амелиоративности (*Widerstands- oder Freiheitskämpfer*) или пейоративности (*Separatist, Terrorist*), но также лексика с нейтральной семантикой, приобретающая оценочность в контексте персуазивной коммуникации (*Interimspräsident, Ministerpräsident, Bürgermeister*).

Оценочность, связанная с субъективной перспективой, распространяется на отбор одних элементов нарративного материала (действий, поступков, акторов и т. п.) и исключение других, а также является причиной включений в нарратив фиктивных (фейковых) элементов. Следующий фрагмент из *FAZ* так представляет российское военное присутствие в Крыму во время проведения там референдума:

(4) *So war das 2014, als Russland sich die Krim unter den Nagel riss. Plötzlich standen „grüne Männchen“ im Parlament, an den zentralen Verkehrsachsen, im Hafen von Sewastopol und vor den Stützpunkten der ukrainischen Armee. Bevor Kiew überhaupt begriffen hatte, was da geschehen war, hatte es den Krieg schon verloren* (Так было в 2014 году, когда Россия прибрала к рукам Крым. «Зеленые человечки» вдруг появились в парламенте, на перекрестках центральных улиц, в порту Севастополя и перед местами расположения украинской армии. Прежде чем Киев осознал, что произошло, война была проиграна) [15].

Приведенный фрагмент «заявляет» о своей отнесенности к политическому нарративу об «аннексии Крыма» с помощью стилистически маркированного фразеологизма (*salopp*, т. е. пренебрежительный) *sich etwas unter die Nagel reisen*, (русский эквивалент: *прибрать что-то к своим рукам*), что указывает на незаконный характер действий России. Содержанием фрагмента является история военного присутствия России в Крыму. Информация о том, что на территории Крыма находился российский военный контингент в соответствии с российско-украинским договором, из истории исключается, вместо этого речь идет о «внезапном» появлении на полуострове «зеленых человечков» (*Plötzlich standen „grüne Männchen“ ...*): в парламенте Крыма, на перекрестках, в порту Севастополя и перед местами дислокации украинских воинских частей. Обращает на себя внимание,

во-первых, использование метонимии *grüne Männchen* для обозначения российских военных, что, вероятно, должно суггерировать представление о их многочисленности; во-вторых, утверждение, что российские военные вступили на территорию парламента (Верховного совета) Крыма (*im Parlament*). Это утверждение косвенно указывает на то, что решение об отделении автономии от Украины и о ее вхождении в состав Российской Федерации было принято под дулами российских автоматов. Между тем этот элемент нарратива является фиктивным. По мнению Р. Меркеля, адресатами российской военной угрозы (*Adressaten der Gewaltandrohung*) были не жители Крыма и не его парламент, а украинские военные, вмешательство которых помешало бы проведению референдума [14].

Приведенный фрагмент также демонстрирует, что перспектива сказывается на ранжировании нарративного материала (на отборе материала и придания его элементам разной степени значимости) и его аранжировке (соединении этих элементов в линейную цепь), иначе: на структуре сюжета, который становится эффективным средством воздействия.

Политический нарратив всегда устанавливает диалог между настоящим и прошлым: взгляд в прошлое должен оправдать настоящее, но так как прошлое детерминировано, политическому нарративу «приходится вновь и вновь воссоздавать это прошлое, то есть реконструировать и модернизировать его и тем самым неизбежно его фальсифицировать» (А. Пятигорский, О. Алексеев, цит. по: [2, с. 104]).

Политический нарратив включает в свою сюжетную канву события прошлого избирательно. Так, в нарративе об «аннексии Крыма» не обсуждается вопрос о том, как, когда и на каких основаниях Крым стал украинским, в качестве ключевого исторического события рассматривается так называемый Будапештский меморандум, под-

писанный 5 декабря 1994 года лидерами Украины, США, России и Великобритании, но не ратифицированный Верховным советом России. Согласно этому документу Украина в обмен на обязательства об удалении всех ядерных вооружений с ее территории получила гарантии уважения ее независимости, суверенитета и существующих границ в соответствии с принципами СБСЕ.

В российском нарративе о вхождении Крыма в состав Российской Федерации упоминаются и события далекого (присоединение полуострова в состав Российской империи в 1783 г.), и более близкого прошлого (решение Н. С. Хрущева о передаче Крыма Украинской Советской Социалистической Республике в 1954 г.).

Итак, событийные политические нарративы, представляющие собой интерпретации процессов политической жизни народа или народов, служат определенным политиче-

ским целям, обладая целым арсеналом средств воздействия на сознание и эмоции людей. Эти нарративы служат реализации известного принципа *Divide et Impera*, позволяющего политикам достигать своих властных целей.

Выводы

Как лингвокультурный феномен нарратив представляет собой один из важнейших способов текстообразующего представления (или конструирования) действительности (или ее фрагмента). Благодаря особенностям порождения и построения, а также значимости как для отдельного человека, так и для человеческого сообщества, нарратив эффективно используется в персуазивной коммуникации, направленной на воздействие прежде всего на ментальную сферу адресата, на его мнения и оценки с целью изменения его посткоммуникативного поведения в интересах адресанта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Кукарцева М. А., Валиева З. Э. Политический нарратив — инструмент «формирования себя» в мировой политике // Обозреватель. 2013. № 4. С. 100–109.
3. Рассел Б. Человеческое познание, его сферы и границы. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2000. 464 с.
4. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culture-dictionary/articles/105/sobytie.htm> (дата обращения: 05.10.2018).
5. Тюна В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 2001. 58 с.
6. Цуцьева М. Г. Институциональность языковой личности политика // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Вып. 3. Т. 1, 2014. С. 136–141.
7. Evans R. J. Veränderte Vergangenheiten. Über kontrafaktisches Erzählen in der Geschichte / Aus dem englischen von R. Bart. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2014. 213 S.
8. Krone-Schmalz G. Russland verstehen: Der Kampf um die Ukraine und die Arroganz des Westens. München: C. H. Beck, 2015. 176 S.
9. Lejeune Ph. Der autobiographische Pakt. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1994. 431 S.
10. Politische Narrative: Konzepte — Analysen — Forschungspraxis / F. Gadinger, S. Jarzebski, T. Yildiz. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2014. 386 S.
11. Rogier C., Burgers C. Zur Differenzierung unterschiedlicher Elemente von Narrativen in gedruckter Werbung // Beiträge zur Wirtschaftskommunikation. Bd. 24: Werbestrategien in Theorie und Praxis:

Sprachliche Aspekte von deutschen und niederländischen Unternehmensdarstellungen und Werbekampagnen / C. Rogier, C. Burgers. Tostedt: Attikon Verlag, 2006. S. 69–94.

12. Schulz M. Was mir wichtig ist. URL: <https://www.rowohlt.de/news/was-mir-wichtig-ist-wer-ich-bin-wofuer-ich-stehe.html> (дата обращения: 05.10.2018).
13. Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier. URL: <http://www.bundespraesident.de/DE/Bundespraesident/Persoenliches/persoenliches-node.html> (дата обращения: 05.10.2018).
14. Merkel R. Kühle Ironie der Geschichte. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/die-krim-und-das-voelkerrecht-kuehle-ironie-der-geschichte-12884464.html> (дата обращения: 05.10.2018).
15. Gutschker T. Die Nato muss schneller werden. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/nato-truppen-zu-langsam-fuer-verteidigung-des-baltikums-15691511.html> (дата обращения: 05.10.2018).

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 896 s.
2. Kukartseva M. A., Valieva Z. E. Politicheskiy narrativ — instrument «formirovaniya sebya» v mirovoy politike // Obozrevatel'. 2013. № 4. S. 100–109.
3. Rassel B. Chelovecheskoe poznanie, ego sfery i granitsy. M.: TERRA-Knizhnyj klub; Respublika, 2000. 464 s.
4. Rudnev V. P. Slovar' kul'tury XX veka. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culture-dictionary/articles/105/sobytie.htm> (data obrashcheniya: 05.10.2018).
5. Tyupa V. I. Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa («Arhierey» A. P. Chehova). Tver': Izd-vo Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. 58 s.
6. Tsutsieva M. G. Institucional'nost' yazykovoy lichnosti politika // Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. Vyp. 3. T. 1, 2014. S. 136–141.
7. Evans R. J. Veränderte Vergangenheiten. Über kontrafaktisches Erzählen in der Geschichte / Aus dem englischen von R. Bart. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2014. 213 S.
8. Krone-Schmalz G. Russland verstehen: Der Kampf um die Ukraine und die Arroganz des Westens. München: C. H. Beck, 2015. 176 S.
9. Lejeune Ph. Der autobiographische Pakt. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1994. 431 S.
10. Politische Narrative: Konzepte — Analysen — Forschungspraxis / F. Gadinger, S. Jarzebski, T. Yildiz. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2014. 386 S.
11. Rogier C., Burgers C. Zur Differenzierung unterschiedlicher Elemente von Narrativen in gedruckter Werbung // Beiträge zur Wirtschaftskommunikation. Bd. 24: Werbestrategien in Theorie und Praxis: Sprachliche Aspekte von deutschen und niederländischen Unternehmensdarstellungen und Werbekampagnen / C. Rogier, C. Burgers. Tostedt: Attikon Verlag, 2006. S. 69–94.
12. Schulz M. Was mir wichtig ist. URL: <https://www.rowohlt.de/news/was-mir-wichtig-ist-wer-ich-bin-wofuer-ich-stehe.html> (data obrashcheniya: 05.10.2018).
13. Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier. URL: <http://www.bundespraesident.de/DE/Bundespraesident/Persoenliches/persoenliches-node.html> (data obrashcheniya: 05.10.2018).
14. Merkel R. Kühle Ironie der Geschichte. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/die-krim-und-das-voelkerrecht-kuehle-ironie-der-geschichte-12884464.html> (data obrashcheniya: 05.10.2018).
15. Gutschker T. Die Nato muss schneller werden. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/nato-truppen-zu-langsam-fuer-verteidigung-des-baltikums-15691511.html> (data obrashcheniya: 05.10.2018).